Сборник детективов

Выстрелы в темноте

Анатолий Полянский
Взрыв

OCR: Олег-FIXX (fixx10x@yandex.ru), Борис из Стерлитамака
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160264
Выстрелы в темноте: Сборник: Надежда-1; Москва; 1994
ISBN 5–86150–007–X

Содержание

1 5
2 23
3 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Анатолий Полянский

Взрыв

Военно-приключенческая повесть

«По поводу событий в Бадаберском лагере подготовки моджахедов ходят самые вздорные слухи. В действительности же там ничего особенного не произошло. По информации лидера партии «Исламское общество Афганистана» Бархануддина Раббани, в чьем подчинении находится вышеуказанный центр, в крепости Бадабера 25 апреля 1985 года имело место вооруженное столкновение двух враждующих группировок его организации. В результате среди борцов за веру имеются убитые и раненые. Подробности случившегося будут опубликованы дополнительно».

Из сообщения исламабадской газеты

«Никакой информации в печать о событиях в лагере Бадабера 26 – 27 апреля 1985 года не давать. Данный район блокировать войсками и никого из посторонних туда не пускать. Полностью конфисковать выпуск пешаварского журнала «Сафар», опубликовавшего искаженное

сообщение о событиях в крепости Бадабера».
Из приказа генерал-губернатора северо-западной пограничной провинции Пакистана Фазиля Хака

«Комментировать события в районе Бадабера СЗПП Пакистана 26 – 27 апреля 1985 года не можем из-за отсутствия осведомленности по данному вопросу, входящему в компетенцию руководства партии «Исламское общество Афганистана».
Из ответа пресс-центра кабинета министров Пакистанской Республики на запрос советского посольства

1

Прапорщик Пушник Николай Николаевич, старшина роты 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, беспартийный, русский, 1955 года рождения, призван Балашихинским РВК Московской области, пропал без вести при выполнении боевого задания в провинции Парван 5 марта 1985 года.

Николай очнулся на рассвете…

Есть такой момент на границе тьмы и света – точка росы, когда ночь на исходе, а день еще не наступил. Уловить его глазом невозможно, разве что кожей ощутить.

Сознание возвращалось медленно. Николай глубоко вдохнул густой от влаги воздух, попробовал шевельнуться. Утратившее остроту восприятия тело отозвалось тупой болью. Неярко, нечетко память возвращала в происшедший кошмар…

Узкое, раздвинувшее горы ущелье, ощетинившееся стволами зенитно-горных установок. Вырубленные в скалах ниши для ящиков с боеприпасами. Длинный язык красновато-каменистого плаца… Николай не сразу догадался, куда попал. Видел похожее на аэрофотоснимках? Или читал в листовке?.. Вспомнил: это знаменитая Джавара. Крупнейшая база моджахедов на севере Пакистана.

Еще тогда мелькнула мысль: зачем так далеко? Если намеревались прикончить, не стоило тащить по горам несколько дней. Буквально – тащить… В какой-то момент у Николая отказали ноги. После контузии в Пандшерской операции он месяц провалялся в госпитале. Сказали, от удара в позвоночник может наступить паралич. Ошиблись. Отлежался, очухался и вернулся в часть на радость товарищам. Побаливала спина, по утрам немели ноги, но воевать было можно. А тут, когда схватили… Сначала шел – несколько часов, – потом упал, и все: никакие побои не смогли поднять с земли.

Пленного прикрутили ремнями к мулу и потащили дальше. Зачем? Он приготовился к допросам, на которых из него будут стараться вытащить секретную информацию. Постарался приучить себя к мысли, что станут пытать. Знал точно:

не унизится, не выдаст, не сообщит. Но то, что произошло… То, что произошло…

Картины одна за другой вспыхивают перед глазами, обжигают веки.

С него срывают одежду. Голым волокут по земле. Камни режут кожу, оставляя кровавые полосы. Его прижимают к столбу, руки, с хрустом выворачивая плечевые суставы, прикручивают проволокой. Ноги – тоже. И он кулем провисает, пронзенный болью, как током.

Вокруг – беснующаяся толпа, ревущая, прыгающая, потрясающая кулаками. К теряющему сознание беспомощному человеку подскакивает то один, то другой, плюя, изрыгая проклятия на ненавистного кафира[1].

Время остановилось. Когда же конец? Когда придет забытье? Но нет – не приходит… Николай слышит. Слышит заунывный крик муэдзина, призывающего мусульман на молитву. Сквозь мутную пелену, застилающую глаза, видит: к ногам подтаскивают упирающегося барана. Взмах сверкающего лезвием ножа – из перерезанной глотки животного хлещет кровь. Алая струя, пенясь, бьет в подставленный грязным оборванцем таз. По очереди степенно подходят духи. Опустив руку в медную посудину, мажут кровью лицо. Невнятное, глухое, враждебное бормотание сотен людей плывет над лагерем. К горлу подступает тошнота.

Намаз на крови. Об этом диком обряде рассказывал Ни-

[1] Кафир – неверный.

колаю знакомый офицер, побывавший у духов в плену и чудом оставшийся в живых. Намаз на крови совершается в отмщение за убиенных и требует жертвы.

Все двоится, расслаивается, тускнеет. Уплывают звуки, исчезают искаженные злобой лица. В спасительном беспамятстве растворились очертания гор. Ушла боль.

Это произошло вчера. Невероятно, но Николай все еще жив, и первое, что реально ощутил, – страшное разочарование. Зачем жив?.. Тело, облепленное москитами, чужое. Душа, униженная, растоптанная, стонет.

Проснувшийся лагерь постепенно оживает. Смутными тенями, гудящей серой массой заполняется, густеет площадь. Уходит из расщелин темнота, обнажая пепельно-белесые склоны.

К подножию столба подбегает босоногий мальчишка в драной рубашонке. В руках у него медный, начищенный до золотого сияния таз. Тот самый – Николай узнал… Вчера в него спускали кровь жертвенного барана. Сегодня – очередь кафира Для этого и доставили в Джавару… Мораль, нравственность, чувство долга – ничего здесь не понадобилось. Моджахедам всего-то и нужно – несколько, литров его – ЕГО – крови.

Скорей бы! Все чувства перегорели. Ни ужаса, ни отчаяния, ни страха. Николай отвел взгляд от мальчишки, от толпы. Поднял глаза кверху. Помолиться бы, да не знает как, не умеет. Дед когда-то пытался к Библии приобщить. Сажал

внучонка на колени и рассказывал жития святых. Бог, говорит, если даже в него не веришь, все едино в каждой живой душе находится…

Как мало все-таки прожито Тридцать лет. Если вычесть из них школьные годы, что останется? Как говорится, ни дерева не посадил, ни сына не вырастил… Не станет больше прапорщика Николая Пушника. Потеря для вселенной, конечно, небольшая, но призвание свое,. хоть и поздно, он-таки нашел, став старшиной роты…

Опустеет теперь дом родной. То хоть в отпуск наезжал. Его всегда ждали. Теперь не пройти больше по желтым скрипучим половицам, не залезть на русскую печь. В красном углу с незапамятных времен иконы висят. Дед строго следит, чтоб лампадка не гасла. Постоять бы сейчас возле строгих ликов, глядящих хоть и сурово, но по-доброму. Постоять бы, подумать о сущном и вечном.

Печаль заполняет его до отказа. Печаль и скорбь. Жаль близких. Сам-то был – и не стало. А мать? Она сердечница, сляжет и не поднимется. Отец покрепче. Отечественную прошел. Но винить себя будет всю жизнь. Это батя сказал: оставайся-ка, сынок, в армии, почетнее нет дела для мужика – Родину защищать. Николай тогда, после срочной, на распутье стоял. Будущее представлялось зыбким, неопределенным. А на службе все надежно: ни упасть не дадут, ни пропасть, накормят, оденут, к делу приставят. Вот и пошел в школу прапорщиков. Вот и нашел свою тропу…

Колышется волнами людское море. Все громче, ближе гортанный прибой голосов. Намаз до восхода самый длинный, состоит из сорока стихов Корана – об этом рассказывал лектор на политзанятиях. Длится он верных полчаса. Последние полчаса отмеренной ему жизни.

Духи, подходившие к столбу, вели себя иначе, чем вчера. Они складывали на груди руки, почтительно кланялись и, вскидывая глаза, что-то шептали. Перед мусульманами висел теперь на столбе не просто кафир, а жертва, угодная Аллаху. Догадка эта не вызвала у Пушника ярости. Происходящее его уже не касалось. Последнее, о чем можно бы пожалеть: зачислят старшину роты без вести пропавшим. А это как клеймо: то ли жив человек, то ли нет; погиб, как подобает солдату, или струсил, сдался, подонок, в плен добровольно…

Вдалеке послышался рокот двигателя. Николай вздрогнул. Показалось, идет «вертушка». А вдруг! Вспыхнула дикая надежда. Свои! За ним! Разгонят толпу огнем и…

«Джип» вывернул из-за скалы, не сбавляя скорости, промчался через плац, заставив толпу поспешно освобождать дорогу.

Николая оставили последние силы. Мгновенный переход от надежды к отчаянию не прошел бесследно.

Тем временем «джип» остановился у столба. В кузове без тента, тесно прижавшись, сидели восемь человек в одинаковых грязно-серых балахонах. Рядом с водителем вольготно

развалился девятый – в сиреневом атласном халате и белоснежной чалме. Черная окладистая борода, пышные усы с загнутыми книзу концами, большие глаза-маслины под широкими крыльями бровей – все было ярко, но и благообразно. Разве что взгляд, брошенный в сторону распятого шурави, казался злобным, да ноздри, почуявшие запах крови, нервно подрагивали.

«Еще один приехал полюбоваться мучениями жертвы Аллаха», – подумал Пушник. С трудом разлепив набрякшие веки, он взглянул в холеное лицо чернобородого, который успел выйти из машины и широким жестом благословлял толпу. Движения его были плавными, величественными, исполненными достоинства. Мягко огладив бороду ладонями, чернобородый простер руки к небу. Вокруг расступились, склонившись в поклоне, выражая тем самым приехавшему большое почтение.

Чернобородый что-то сказал. Сидевшие в кузове «джипа» выпрыгнули из машины, окружили хозяина. В руках автоматы, на поясах – гранаты, ножи, пистолеты… Чернобородый покосился на ритуальный столб, качнул массивной головой. Резкая команда словно стегнула. Трое охранников бросились к столбу. Один вскарабкался наверх, несколькими взмахами кинжала перерезал проволоку, стянувшую руки и ноги Пушника. Как сноп, тот рухнул вниз. Но упасть на землю не дали. Подхватили на лету и понесли к машине.

Толпа взревела. У душманов отбирали угодную Аллаху

ритуальную жертву – такого оскорбления они, похоже, не собирались простить даже такому высокопоставленному лицу, каким, несомненно, являлся чернобородый.

Николай с ужасом наблюдал за этой картиной Он, когда вдруг сняли со столба, будто с того света вернулся. Но теперь его неожиданный освободитель сам попал в цейтнот. Еще мгновение – и озверевшая толпа сомнет охрану, схватит свою жертву, расправившись заодно с теми, кто хотел ее отобрать.

Однако чернобородый не дрогнул. Презрительно оглядев толпу, он подал знак командиру охраны. Тот выступил вперед, злобно крикнул: «Нис!»[2]. Подняв автомат, дал поверх голов длинную очередь. Николая тем временем завернули в брезент, уложили на дно кузова. Следом туда попрыгали охранники. «Джип» сорвался с места и помчался, набирая скорость.

Машину мотало из стороны в сторону. Голова пленного болталась между сапогами и автоматами. Он медленно проваливался в черную без дна яму…

Прикосновение чего-то мокрого и холодного, приятно щекочущего возвращало из небытия. Сквозь ресницы Николай увидел сухонького старичка с редкой бороденкой. Сосредоточился на обнаженных до локтя руках – худых, пергаментно-желтых, с большими ладонями и длинными костлявыми пальцами. Старик смачивал большой ком ваты в розо-

[2] Нис – нет!

вом растворе, наполнявшем стеклянную чашу с загнутыми внутрь краями, и тщательно обтирал распростертого на кровати Николая. В воздухе стоял запах спирта, камфары и еще чего-то, похожего на мяту или тмин.

Увидев, что шурави очнулся, старик улыбнулся. Раскосое, растрескавшееся, как высушенная зноем земля, лицо его было покрыто глубокими бороздами. Он что-то залопотал, знаками показал: нужно перевернуться на живот. Николай повиновался. Ощущение, будто с него счищают коросту и тело обновляется, наполняло счастьем.

Осмотревшись, прапорщик увидел, что лежит в комнатке с зашторенными окнами. Постель с белоснежными, накрахмаленными до хруста простынями вызывала блаженное состояние покоя и умиротворения.

Старик закончил обтирание спины, снова жестом попросил повернуться. Схватившись за кисть левой руки, плетью свисавшей с кровати, он резко с вывертом дернул ее книзу. Николай вскрикнул. Боль была острой, но терпимой – врачеватель, по-восточному табиб, знал свое дело прекрасно.

После ухода табиба Николай задремал. Стало легко и покойно. Горечь плена, терзавшая предшествующие дни, както притупилась. Даже злость на Сергеева, по чьей милости рота попала в засаду, потеряв стольких отличных ребят, и та стала не такой острой. Старлея подвела самонадеянность, на войне сравнимая разве что с глупостью. Такая натура: либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Мальчишка, ра-

но ему надели офицерские погоны и доверили командовать людьми… Николай отчетливо вспомнил лицо старлея, когда прощался с ним на перевале. Обычно холодное, высокомерное, оно стало иссине-бледным, растерянным, в глазах – мука. Сергеев с оставшимися в живых, вырвавшись из проклятого ущелья, уходил. У него было будущее. А Пушник оставался, чтобы прикрыть отход. И каждый прекрасно сознавал, что прапорщик обречен…

Дверь внезапно распахнулась. В комнату проскользнул человек. На впалых щеках его пучками проступала щетина, сгущавшаяся к подбородку и у верхней губы. Выпирающие скулы, приплюснутый нос и бегающие глазки делали лицо если не безобразным, то уж во всяком случае не симпатичным.

– Оклемался, друг? – спросил вошедший с заметным гортанным акцентом, и Николай поразился русской речи. – Считай, тот свет видел и опять вернулся… Ты лежи, табиб вставать не велел. Спасибо господину Раббани говори. Он давал приказ.

Речь, безусловно, шла о чернобородом. Значит, этот восточный барин спас Пушнику жизнь?

– Зачем я ему? – спросил Николай, вглядываясь в странного посетителя, одетого, как духи, в бесформенный балахон.

– О-о, Бархануддин Раббани большой человек. Ученый, светлая голова. Книги умные пишет. Каждый мусульманин

знает… Раббани – глава партии.

– Какой партии?

– «Исламское общество Афганистана». Разве не слыхал?

Николай, конечно, слыхал, и не раз. Замполит рассказывал о «пешаварской семерке», – поклявшейся на Коране дать отпор русскому империализму. Раббани – враг, причем непримиримый. А поскольку умен, то вдвойне опасен. Тем не менее он избавил Николая от мучительной смерти. Пошел даже на конфликт со своими. Жаждущую крови толпу духов можно было усмирить только автоматными очередями. Опоздай Раббани на полчаса, для прапорщика Пушника на этом свете все было бы кончено.

– Ты сам кто будешь? – спросил Николай. В нем вдруг проснулась подозрительность.

– Меня бояться не надо… – Посетитель прислонился к стене, сдвинув на затылок колпачок, напоминающий тюбетейку: – Я тоже шурави, рядовой из сто восьмой дивизии. Хватали меня провинция Фарах. Полтора года тому…

– Звать как?

– Абдулло.

– Кличка, что ли?

– Какое значение имеет.

– Узбек?

– Таджик. Хорог слыхал? Мать, братья там… Пушту знаю. Здесь все пушту говорят. Пленные мы, Колья…

– Имя мое откуда узнал? – поразился Николай.

Абдулло тоненько захихикал:

– Ты теперь личность знаменитая, совсем народный артист… Николай Николаевич Пушник – так? Про тебя много-много знают. Сюда смотри…

Он протянул вытащенную из-за пазухи свернутую в трубку плотную бумагу. С листовки на Николая взирала его круглая, глупо улыбающаяся физиономия. Он был в парадной форме гвардейца-десантника со всеми знаками воинской доблести: отличник, классный специалист, мастер парашютного спорта и медаль «За боевые заслуги». Справа тонкой арабской вязью – пояснительный текст, а ниже полностью воспроизводилась первая страничка военного билета с биографическими данными – фамилия, имя, отчество, звание, должность, год рождения, местонахождение военкомата…

Превозмогая боль в спине, Николай приподнялся. Бог мой, откуда духи взяли его билет? Обычно, отправляясь на боевые, солдаты и офицеры оставляли документы в части. Старшина обязан был за этим следить. Он и следил, а сам…

Перед выходом в рейд старшина крепко схлестнулся с ротным. Сергеев всех торопил, ежеминутно дергал, а Николай привык сам собираться обстоятельно и каждого подчиненного проверять. «Не мешай, – сказал старлею, потеряв терпение. – На тот свет лично я не спешу. Ты, старлей, в Афгане без году неделя, а я, считай, с первого денечка – еще президентский дворец штурмовал, поэтому штопаный-перештопаный…» Что тут началось! Сергеев орал до хрипоты,

не стесняясь в выражениях, и пообещал, когда вернутся, под трибунал отдать. А в результате Николай забыл оставить дома военный билет. Надо же так влипнуть! Листовку теперь подбросят нашим. Что ребята подумают?.. Переметнулся, скажут, гад Пушник – и не отмоешься, не открестишься. У этого треклятого Раббани далеко идет расчет – зря бы спасать не стал!

Николая охватило отчаяние. Случилось самое худшее: солдат попал в плен и во всеуслышание объявлен перебежчиком! Останется теперь прапорщик Пушник навек в памяти людской с каиновым клеймом. Лучше бы сразу прикончили, подонки!..

– Переживать не надо, Колья, – посочувствовал Абдулло, заметив впечатление, произведенное листовкой. – Назад не пойдешь, свои уничтожат. Все про тебя известно. Скрывать зачем? Говори правду…

– Ты чему меня учишь, сволочь?

– Ругать пользы нет, Колья, – укорил Абдулло. – Они правду хотят. У тебя какой секрет? Никакой. Ты большой начальник? Совсем малый. Вот и говори.

– Пошел ты… – выругался Николай и отвернулся к стене.

В речах Абдуллы был, конечно, резон. Терять действительно нечего. Духи, несомненно, понимают, что старшина роты военными тайнами не владеет. Но зачем-то его спасли? Не станет же этот… Раббани просто так за здорово живешь выручать дохлого шурави из лап озверевших соплеменни-

ков? Значит, что-то ему нужно. Знать бы – что?..

В проеме двери появился старичок табиб. Он принес чашку бульона и тарелку с кашей. Аромат хорошо приготовленной пищи достиг ноздрей, и Пушник почувствовал, как голоден. Набросившись на еду, он даже забыл о боли. Потом нестерпимо потянуло в сон. Николай хотел сказать толмачу, чтоб тот ушел, но не успел. Последнее, что увидел, – коричневое лицо Абдуллы, искривленное в улыбке, больше похожей на оскал, и старые, давно потерявшие блеск галоши на его босых ногах. Подумал: толмачу нельзя доверять ни на грош.

Несколько раз Николай просыпался. Снова погружался в тяжелое, как могильная плита, забытье. Кто-то давил, душил, мешал дышать… Разбудил его скрип половиц. К кровати приблизился Абдулло, ощерив острые зубы. Улыбка его не показалась теперь Николаю хищной, тем более злобной. Подумал: напрасно катит бочку на парня, такого же, как он, бедолагу. Спасибо, есть с кем слово молвить, а то и одичать недолго.

– Сильно спать любишь, Колья? – захихикал Абдулло. – День прошел, ночь прошел…

– Неужто? – удивился Николай. Боль в теле притупилась. Он чувствовал себя бодрым, поздоровевшим.

– Совсем плохой был, правда? Теперь порядок… – И, понизив голос, Абдулло сообщил: – К тебе гость приходить будет. Сам господин Раббани, сын Мохаммада Юсуфа. Гово-

рить станет – не надо сердить. На востоке старших слушать – закон. Соглашайся, тебе лучше…

Абдулло не успел закончить наставления, как дверь распахнулась, впустив чернобородого. На сей раз тот был одет в нормальный черный костюм с белой рубашкой при галстуке и походил скорее на учителя, чем предводителя душманов. Во всяком случае, породистое лицо с высоким лбом, несомненно, принадлежало человеку интеллигентному и скорее доброму, чем злому. Смолистые с проседью волосы волнами ниспадали до плеч.

«Так вот ты какой – Бархануддин Раббани?» – подумал Николай, пристально разглядывая вошедшего и пытаясь припомнить, что рассказывал замполит об этом и других членах «пешеварской семерки». Раббани – таджик из племени яфтали Сын муллы. Получил религиозное образование. Организовал партию. Объявил, что партия его против СССР ничего не имеет, но ведет борьбу против русских оккупантов…

Абдулло поспешно придвинул кресло, и гость расположился в нем по-хозяйски. Николай почувствовал на себе испытующий взгляд больших черных глаз, искрящихся усмешкой. Перебирая четки, Раббани, похоже, оценивал свою «добычу», а Пушник проникался к своему спасителю симпатией.

Раббани спросил, не знает ли унтер-офицер английский язык? Николай, уловивший суть вопроса, отрицательно по-

качал головой.

Стоявший в почтительном отдалении Абдулло перевел следующую фразу. Раббани, оказывается, интересует самочувствие господина Пушника.

– Как трогательно, – усмехнулся Николай. – Скажи, я солдат и приучен к спартанским условиям.

– Благодарность говорить? – спросил Абдулло. – Человек тебя спасал, Колья.

– Не вздумай!

– Господин Раббани интересуется, хороша ли пища? И еще волнуется, как ухаживает табиб?

– Кончай балаган. Своему хозяину скажи, пусть к делу переходит. Что от меня требуется?

Выслушав переводчика, Раббани посмотрел на Пушника с нескрываемым интересом и произнес несколько отрывистых фраз. Из торопливой скороговорки Абдулло стало понятно: от Пушника ждут полной лояльности. Доказать ее не составит труда Надо лишь выступить перед журналистами с заявлением.

– Всего-то и делов? – удивился Николай. – А я-то думал…

Он говорил ничего не значащие слова, пытаясь сообразить, как вести себя с хитрой бестией.

– Ты понял, Колья? Надо выступить…

– Скажи хозяину, толмач, я речи держать не умею, образования недостает и практики нет…

– Господин Раббани говорит, ты произвел впечатление

умного шурави, а не… Тут он сказал нехорошее слово, сам понимаешь…

– Дерьмо твой господин, – отрезал Пушник, – дешевка!

– Господин Раббани сказал: он хотел хорошо сделать.

– Пожалел волк кобылу…

– Ты подумай, Колья. Он тебе речь напишет, ты скажешь. Жизнь будет, а так – конец.

– Заткнись, сволочь.

– Я заткнусь, кто тебе слово по-русски скажет, – обиделся Абдулло. – Раббани большой вождь. Он не хочет тебя считать оккупантом.

Чернобородый наблюдал за перепалкой, понимающе покачивал головой. Он заметил, что унтер-офицер устал, вероятно, кончалось действие обезболивающего лекарства, и лицо передергивало судорогой. И снова заговорил покойно, увещевательно. Зря господин Пушник упорствует. Мог бы иметь много денег, начать красивую жизнь. На деньги можно купить дом, жену… К своим назад пути нет. Там знают, унтер-офицер Пушник добровольно перешел на сторону борцов за веру.

Николая захлестнуло бешенство. Листовка с его благообразной сытой мордой лежала на полу возле кровати. Боль сдавила обручем голову. Ноги скрутила судорога. Господи, опять начинается Проклятье!..

Раббани поднялся, огладил бархатную бороду и сказал, что искренне сожалеет о неприятностях, предстоящих ун-

тер-офицеру. Он надеялся на гибкость ума, на сообразительность молодого человека…

– Пошли его на…! – бессильно выругался Николай.

Перевода не потребовалось. В глазах Раббани мелькнула ярость. Однако он сдержался и, прежде чем уйти, сказал: пусть пленный подумает о своей дальнейшей судьбе. Но делать это ему придется в другом, менее комфортабельном месте.

Не успела за чернобородым закрыться дверь, как ворвались двое, стащили Николая с койки, волоком потащили по длинному коридору. Звякнул засов, со скрипом отверзлась металлическая решетка. Николая с размаху швырнули. Покатившись по лестнице, он рухнул на цементный пол и потерял сознание. А когда очнулся, обнаружил, что снова онемели начавшие было отходить ноги, бедра, таз. В полумраке подвала увидел несколько сидевших у стен человек. Никто на новичка не обращал внимания. Но вот один обернулся, и Николай ахнул. То был ротный, старший лейтенант.

2

Старший лейтенант Сергеев Алексей Игоревич, 1960 года рождения, призван из г. Львова, женат, имеет дочь, захвачен в плен при выполнении боевого задания в провинции Парван 17 марта 1985 года.

Ни лечь, ни сесть. Но и стоять нет сил…

Тело – сплошной нарыв. Ноги – опухшие пудовые колоды. Лицо, спина, грудь в синяках, кровоподтеках. Кожа с подбородка сорвана, рана гноится. Правый глаз заплыл. Когда главарь банды ударил мослатым кулачищем в висок, жизнь повисла на ниточке, на паутинке…

Алексей отстреливался до последнего. Рядом, неподалеку, вокруг лежали в нелепых позах, в лужах крови ребята – остатки его роты. Далеко позади, в нескольких часах стремительного бега – перевал. Там Пушник. Он сам сказал: «Мотай отсюда, старлей. Сбереги хоть этих… А я не ходок. Да и кому-то надо вас прикрыть…»

Охотно согласившись, Алексей выделил Пушнику ручной пулемет (все равно тащить тяжело), половину боезапаса, гранаты. Подумал: идти старшина не может, тащить на горбу означает погибнуть всем. В конце концов тот сам виноват в случившемся, должен был на своем настоять…

Поспешно отходя в долину, Алексей долго слышал за, спиной дробные пулеметные очереди. Потом грохнуло несколько разрывов – стихло.

Ребята остановились. Замерли в почетном карауле. Алексей скомандовал: «За мной! Не отставать!..» И побежал. Жаль Пушника. Жаль остальных. Но ведь война… Прапорщик, конечно, предупреждал: на перевале возможна засада. Требовал изменить маршрут. Он вообще все время пытался унизить старшего лейтенанта. То наставлял, учил жить, то подменял приказ ротного своим. И совершенно не брал в расчет, что Сергеев не салага, окончил высшее десантное училище. Сам факт Принадлежности к элитарному роду войск подтверждает высокие морально-боевые качества офицера, который в Афганистан, между прочим, напросился сам. Смелости Алексею не занимать, на счету сто двадцать парашютных прыжков. А опыта маловато? Так ведь затем и война, чтобы его приобрести.

Теперь-то он понимал, надо было довериться Пушнику. Перехватить караван с оружием в провинции Парван все равно не удалось. Сколько сделано ошибок, сколько потеряно людей, и ничего не отмотаешь назад. Не полез бы в трижды проклятое ущелье, не разрешил бы привал во время отступления, встал бы на часы сам…

Их настигли под вечер. Бойцы выбились из сил, рухнули на землю, моментально уснули. Часовые, уверенные, что группа от духов оторвалась, тоже заснули – стоя. Ну и…

Увидев Пушника в подвале, Алексей не сразу пришел в себя. Долго вглядывался в привидение, явившееся с того света, и наконец, собравшись с силами, подполз.

– Что, не узнаешь? – спросил Пушник. Он лежал посреди камеры, разбросав ноги, не в силах сдвинуться с места.

– Господи, живой, – ошеломленно протянул Алексей. – Как же это?

– Как видишь… Помоги до стены добраться. Спина проклятая…

– Не прошла? – спросил Алексей, тут же почувствовав нелепость вопроса. С неожиданной силой вспыхнуло прежде неведомое жгучее чувство вины – перед прапорщиком, перед погибшими солдатами. – Ты на меня… того, – глухо сказал Алексей, помогая прапорщику отползти от лестницы. – Прости, если можешь…

– Ладно, – поморщился Пушник, – покаяние отменяется. Оба оказались в дерьме.

– Но ты ведь старше? Почему не согнул меня? Я бы в конце концов послушался. Я бы подчинился…

– Не бей себя в грудь, старлей. Поздно. Лучше расскажи, как влип.

Как?!

За дни в плену, дни позора, Алексей заново переосмыслил оставшуюся за пределами тюрьмы жизнь. Он стрелял. Стрелял, пока мог, пока были патроны, – что еще оставалось делать? Духи выместили на нем одном за всех своих убитых.

Больше никого не оставалось. Его остервенело били, пинали ногами, пока не превратили в окровавленный куль. Окатывали водой, поднимали с земли и снова били. Он научился закрывать голову руками, свертываться калачиком, чтобы удары не попадали в живот. Счет дням был потерян.

– Почему же тебя не убили? – жестко спросил Пушник.

– Почему?.. Не знаю. Нет, вру – знаю. Нашли вкомбинезоне погоны. Я новые купил, собирался на китель пришить. Забыл перед выходом вытащить из кармана. За поимку офицера духи, сам знаешь, большие деньги получают – вот и не убили. Но имени своего я не назвал.

– Не назвал? Герой, значит? Молодец, старлей, – усмехнулся Пушник. – А вот я засветился. Со всем своим опытом и знанием обстановки. Я, брат, военный билет на операцию прихватил.

– Зачем?

– Вопрос на засыпку…

Загремел открываемый на двери засов, и в камере появились охранники с автоматами через плечо. Один ткнул пальцем в Алексея и шепеляво выговорил:

– Па-ш-шел…

Это слово знал здесь каждый. Оно произносилось на разные лады и могло означать вызов на допрос, вывод на работу, а то и на казнь.

– Ну, вот и опять по мою душу, – пробормотал Алексей, с невероятным трудом поднимаясь с пола. – Хоть бы смерть

поскорей пришла.

– Не дрейфь, старлей. Будь мужиком, прорвемся, – услышал он в спину напутствие старшины.

Охранники вели Сергеева по знакомому коридору. Потом втолкйули в комнату – узкую, с зарешеченными окнами. Посреди стоял письменный стол с гнутыми ножками, стул с резной спинкой. На выбеленных известью стенах виднелись бурые подтеки, напоминавшие, что пленных тут не только допрашивали, но и… У Алексея все сжалось в груди. Снова будут бить! Где взять силы!

В комнату проскользнул старый знакомый – Абдулло. Он всегда присутствовал на допросах. По привычке Абдулло улыбался, но держался на всякий случай в отдалении. Нельзя было угадать, как бывшие «свои» поведут себя с соотечественником в это и следующее мгновение.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, – проговорил Абдулло шепотом.

– Не твоими ли молитвами пока жив? – съязвил Алексей Переводчик был противен, вызывал брезгливость.

– Зачем смеешься, старший лейтенант? – укорил Абдулло. – Я помочь хотел.

– Мне бы сдохнуть поскорей…

– Зачем сдохнуть? На том свете ничего не подадут. А тут можно…

– Дрянь ты, Абдулло. Сам переметнулся и других склоняешь.

– Офицер… Учили долго, ума нет. Зачем в Афган пришел людей убивать? Кишлаки зачем жег?

– Вон как заговорил…

– Правильно говорю. Честно. Никакой интернациональный долг никто не просил. Тебя не звал. А ты? Ты почему воевал?

– Послали, я пошел. Потом понял и то не сразу: афганский народ не хочет чужую правду, не хочет чужого бога…

Сергеев уперся взглядом в ржавое пятно на полу… Интернациональный долг, помощь дружескому народу, апрельская революция – на кой все это, если от него останется такое же пятно? Был Алешка и нету, размазали по стене.

– Вот я и говорю, соглашайся, – вкрадчиво сказал Абдулло.

– Умолкни, парень, – попросил Сергеев, – пустое говоришь.

Подтолкнув Абдулло в спину, распахнулась дверная створка. Вошел европеец в легком светлом костюме. Лицо слегка тронуто загаром, голубые глаза, ослепительная улыбка – киногерой из американского боевика.

– Ты все объяснил? – спросил вошедший у Абдулло на довольно чистом русском языке.

– Не успел еще, господин. Я говорил старшему лейтенанту…

– Отставить! – властно перебил «кйногерой». Судя по манерам и тону, он был птицей высокого полета. – Тебе пору-

чалось изложить обер-лейтенанту суть наших предложений.

– Зачем же через посредника? – вскинулся Алексей.

– Разумная мысль. Называй меня полковником, – сказал он с лучезарной улыбкой. – Итак, приступим…

Полковник подошел к столу, открыл ящик и вынул элегантный чемоданчик с металлическими застежками. Эффектным жестом откинул крышку, провел, поглаживая, ладонью по тугим пачкам зеленых банкнотов.

– Здесь двести пятьдесят тысяч долларов, – торжественно объяснил он. – Они ваши, обер-лейтенант. По прибытии на место получите еще столько же.

– На какое место я прибуду и чем должен заслужить взятку? – вяло спросил Алексей, пытаясь выпрямиться.

– По-русски – взятка, по-моему – возмещение за перенесенные неудобства, – сохраняя невозмутимость, возразил полковник. – Мы профессионалы. Не все ли равно, где и кому служить, особенно если вспомнить, что на родине вас ждет суд трибунала по законам военного времени. Неужели обеспеченной жизни вы предпочтете тюрьму? Глупо даже для коммуниста. Вы не генерал, дислокацию советских войск в Афганистане не знаете. Остальные секреты ценности не представляют.

– В таком случае зачем я вам?

– Нам нужны специалисты, обладающие опытом обучения солдат. Ваших солдат. Вы будете исполнять те же обязанности, что и прежде, но в более солидной должности. Для на-

чала предлагаю чин подполковника.

– Где, если не секрет?

– Никаких секретов. Направим в восемьдесят вторую парашютно-десантную дивизию.

– В ту, что стирала с лица земли Вьетнам?

– Вы здесь тоже огнем прошлись. Но я не собираюсь вступать в дискуссию. Люди военные, в какой бы армии ни служили, призваны убивать себе подобных. К тому и готовимся всю жизнь. Это моя и ваша специальность. Разве не так?

Полковник говорил напористо, убежденно. У Алексея подгибались ноги, несмотря на удушающую жару, бил озноб… Что говорит этот холеный европеец? «Войну не ведут в белых перчатках…» Он прав. Старший лейтенант Сергеев обучен владению оружием. Убивал сам и учил солдат убивать себе подобных.

– Но… – сказал Алексей вслух.

– Никаких «но»! – «киногерой» стер наконец улыбку с губ. – Оставим спор политикам. Мы – солдаты. Мы должны, не рассуждая, выполнять приказ. С этим ты, надеюсь, согласен?

Алексей молчал.

– Но жить ты хочешь? Жить, а не сгнить на помойке? – резко спросил полковник, начинавший терять терпение. – Ты молод, был, наверное, красив, пока не разукрасили афганские партизаны. У тебя будет женщина. Она родит тебе детей…

Дочь… У него есть маленькая дочка! Как он мог об этом забыть?.. Алексей смотрел в окно и ничего не видел. Но знал: там жизнь, деревья, трава, небо. Там свобода. И где-то очень далеко бегает по зеленой траве его маленькая девочка – кровь от крови, плоть от плоти.

– Почему молчишь? – удивился полковник. – Если мало денег, добавлю…

– Не старайся, гад, не возьму, плевал я на твои доллары! – Алексей покачнулся, но устоял.

– Ах ты, сволочь идейная! – лицо полковника стало жестким. Едва уловимым движением он ткнул Алексея в висок. Удар был мастерский. Старший лейтенант отлетел в угол. Стол, стены, пятна, Абдулло – все поплыло перед глазами.

– Может, так скорее сговоримся? – крикнул, оскалившись, полковник.

Не открывая глаз, Алексей прохрипел:

– Не надейся. Меня уже били…

– Плохо! Плохо били!..

Алексей, свернувшись в дугу, обхватил голову руками и стиснул зубы. Удары сыпались один за другим. То, что он молчал, не молил о пощаде, вызывало у полковника еще большую ярость. Алексею пришлось бы совсем худо, не вмешайся переводчик. Молчавший в продолжение разговора, Абдулло тихо сказал:

– Не поможет, господин. Не надо.

Как ни странно, слова подействовали. Пнув лежащего еще

раз, полковник пригладил растрепавшуюся прическу, заправил рубашку, одернул пиджак.

– Ол раит! – сказал. – Позови охранников. Пусть уберут эту падаль…

Очнувшись в знакомой камере, оглушенный, измордованный, Сергеев не сразу собрался с силами. Он подтянул колени, со стоном сел. К стене прислоняться не стал – спина обожженно горела.

Пушник ни о чем не спрашивал. Кто знает, как вел себя наверху старлей. Судя по виду, держался правильно. Но все же…

– От меня требовали сотрудничества, – сказал Алексей.

– Сколько предложили?

– Полмиллиона и чин подполковника американской армии.

– Взял?

– Как видишь…

Оба замолчали. Алексей опасливо покосился на сокамерников. Доверять никому нельзя. Они с Пушником однополчане. Попали сюда известно как. А эти, может, сами?.. Попасть – попали, а вырваться можно лишь ценой предательства. Но/кто знает, как правильно? Стоит сказать – да, и кончатся мучения. Надолго ли?.. Предатели не нужны ни своим, ни врагу. Солгавший своему народу – веры не заслуживает… Этот американский контрразведчик использует его, а потом выбросит в ту же помойку.

– Оказывается, ты дорого стоишь. А я и не знал, – неопределенно сказал Пушник.

Алексей вспыхнул:

– Думаешь, продамся?

– Не обижайся, старлей, – примирительно шепнул прапорщик. – Жизнь нас сейчас проверяет на самый жестокий излом. В нашем положении с людьми может всякое произойти.

– Да-да, верить нельзя…

– Кому нельзя, кому – можно. Поодиночке передушат, как кур. А если думать и действовать сообща…

– Считаешь, в тюрьме возможно на что-то надеяться?

– В фашистских лагерях смерти создавали подпольные организации. Мы-то чем хуже?

Разговор был прерван приходом бочковых. Принесли обед. Из дальнего угла камеры вышел огромного роста мордастый мужик, густо заросший рыжей щетиной, взял свою миску и скрылся в темноте.

– Опять тухлятину приперли, – послышался его голос. – От такой жратвы я без пыток скоро ноги протяну.

– А ты рассчитывал на бифштекс? – спросил насмешливо Пушник.

– Помолчал бы, прапор, – огрызнулся гигант, выскребая из глиняной миски маисовую кашу. – Сам ты бифштекс.

– Откуда звание мое знаешь?

– Два уха имею, даже музыкальные. Дома на балалайке играл, на гитаре.

– Полезные таланты, – заметил Пушник. – Подойди поближе, познакомимся.

– Много чести. Сам хиляй. Безногий, чи шо?

– Считай да. Контузия позвоночника.

– Извиняй в таком разе.

Гигант подошел, присел на корточки, протянул руку:

– Будем знакомы. Крещен Михаилом. Фамилия тут ни к чему, а прозвище имеется. Яном дома кликали, на иностранный манер.

– Почему? – удивился Алексей, разглядывая Здоровяка. Судя по бицепсам, бугрившимся на предплечьях, тот обладал бычьей силой. Невольно подумалось: как духи такого могли скрутить?

– Мишек на Украине, шо собак нерезаных, в ридном селе – каждый второй, а Ян – красиво звучит. Или не нравится?

– Ладно, не задирайся. Давно тут?

– Старожил. В Джаваре побывал, в Дарчи, в Малекане. Там лагеря моджахедов.

– Джавара – мощная база, – согласился Пушник. – Мне тоже довелось…

– А тебя, Ян, зачем туда возили? – поинтересовался Алексей.

– Спрашиваешь. Дивились на меня. На шурави двухметрового роста.

– Как же ты с силой своей могучей вляпался?

– Дурнем был… – Михаил поморщился. – Две недели до

дембеля оставалось. Сидеть бы тихо, не рыпаться, а я поперся, куда не треба.

– Все мы не туда свернули, – заметил сидевший неподалеку худющий человек. Бледная кожа, которую не взяло даже пакистанское солнце, обтягивала остро выпирающие скулы. Колени, локти, ключицы – все торчало колюче, шипами. Никто не знал его имени. Было известно только, что он механик-водитель Т-54. Об этом говорили духи, захватившие его в подорвавшейся на мине машине.

– Ты за всех не расписывайся, – возразил Михаил. – Таки, шо сами руки до горы подымали, тоже имеются.

– Я бы их шлепал, – пробормотал Танкист.

– Подряд, что ли?..

Ответить Танкист не успел. Послышался голос Абудулло:

– Всем выходить! Все с собой брать! Другое место едем.

Пленные задвигались, потянулись к выходу. Алексей, попытавшийся помочь Пушнику, сам едва не упал.

– Пусти-ка, дохляк, – сказал Михаил, отстраняя Сергеева плечом. – Ну, держись, прапор. Послужу тебе верой и правдой, пока дух из меня не вышибли…

Он легко подхватил старшину на руки и пошел к выходу. Во дворе их ждал крытый грузовик.

Алексей придержал шаг, шепотом спросил у переводчика:

– Не знаешь, почему нас отсюда убирают?

– Под Джелалабадом бой шел. Пленных брали. Понял?

– А нас куда?

– Крепость Бадабера слышал? Хорошее место. Лагерь подготовки борцов за веру. – И добавил совсем тихо: – Порядки там… Начальник сильно злой. Остерегаться надо.

– Далеко отсюда?

– Пешавар сбоку тридцать километров, может, больше.

Вскоре машина с пленными, пропетляв по узким, окаймленным арыками улочкам, выбралась на грунтовое шоссе. Алексей, прильнув глазом к щели в борту, увидел неровные клочки зеленых, желтых, серых полей, окруженных раскидистыми пальмами. Едкая белесая пыль, взвихренная колесами, пухло оседала на широченных листьях диковинных деревьев.

3

Сержант Полуян Михаил Николаевич, украинец, водитель бронетранспортера, 1959 года рождения, призван Коропским РВК Черниговской области, пропал без вести в провинции Лагман 21 июня 1984 года.

Людей в кузове встряхивало, как крупу в решете. Ударяясь о борта, падая друг на друга, ребята стонали, матерились, кляли судьбу и, конечно, водителя, который был не ахти каким асом. Михаил это понял, услыхав, как тот всю дорогу газовал, со скрипом, без нужды переключал скорость. Да и барбахатка[3] досталась неумехе старая.

Михаил до армии крутил баранку три года и был в шоферском деле дока. После училища механизации ребята на комбайн пошли, на трактор, а он, на зависть всем, к легковушке пристроился лично директора совхоза возить. Должность «карманного» водителя имела массу преимуществ, среди которых возможность бывать в райцентре Михаил ценил превыше всего. Пока директор бегал по кабинетам, вымаливая запчасти и горючее, он успевал забить багажник и заднее сиденье дефицитом из «запасников» продуктового и промтоварного магазинов. Львиная доля предназначалась членам

[3] Барбахатка – грузовая машина с высокими бортами.

правления. Свою часть – всякие там тени, помады, кремы – приносил в клуб и продавал девчатам – по номиналу, конечно. Проценты снимал, как сливки, поцелуями, обожанием, а иногда и… Очень любил Мишка Полуян, здоровенный верзила с пудовыми кулачищами, чтобы его любили.

Пленные выползали из машины, как из камеры пыток. Полуян вытащил Пушника, опустил на землю и, болезненно щуря слезящиеся глаза, привыкшие к сумеркам подвала, огляделся. Беспощадное солнце давно выжгло все признаки растительности на хорошо утрамбованной территории двора, выело краски. Справа – приземистое здание с зарешеченными оконцами, у окованных дверей часовой с автоматом. Совсем близко – аккуратный домишко с плоской крышей, возможно, канцелярия. Туда сразу направился Абдулло. Слева поодаль виднелись сараи, возле которых тоже часовые, а на крыше одного – на треноге крупнокалиберный пулемет. И все обнесено высоченной, метров шесть – восемь, глинобитной стеной с торчащими по углам сторожевыми вышками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.